

кирпичи въ воду покидали. Приѣхали въ свой градъ и пошли губернатору товары казать; а купеческій зять взялъ расколотъ драгоцѣнный камень на три части, вѣшалъ въ каленые кирпичи, завязалъ въ платокъ и понесъ тоже губернатору казать. Пришелъ подъ сумерки, развернулъ платокъ, и осіяло у него въ палатахъ ровно двѣнадцать свѣчъ. И онъ этому дѣлу ужаснулся. Говорить купеческій зять губернатору: «И вотъ такихъ кирпичей привезъ цѣлое судно, а оно у меня чуть не потонуло. Просилъ я своихъ товарищей меня облегчить, а они надсѣялись и повѣдали всѣ мои кирпичи въ воду». Губернаторъ и говоритъ ему: «Всѣ ли такіе?» «Всѣ, ваше превосходительство!» «Ну-ка принеси еще!» Онъ пошелъ и во второй разъ привезъ. «Принеси ка въ третій разъ!» Онъ и въ третій принесъ. Губернаторъ пошѣралъ. «Ну что же мнѣ, ваше превосходительство, съ товарищами дѣлать? Вѣдь они мнѣ изъяснъ сдѣлали. Вещи эти дорогія». «Точно», говоритъ губернаторъ, — ихъ на свѣтѣ мало. Вотъ что: отбери у нихъ все нѣмѣнье и возьми себѣ!» И отобрали по его приказу все нѣмѣнье купцову зятю.

(Абрамъ Новополяцкѣ).

7.

Торбочка-самобранка.

Служилъ солдатъ въ Санктъ-Петербургѣ лѣтъ двѣнадцать, и опредѣляли его въ ундеръ-офицеры. Стали выпускать солдата на побывку. А у царя была дочь и бѣгала неизвестно куды. Сколь царь ни старался узнать куды она бѣгаетъ—не могъ. Знахарей призывалъ, все толку нѣтъ. Отпустили ундера домой; пришелъ онъ пробилъ сколько надо—пора воротаться. Пошелъ назадъ и привелось болото обходить. «Дай», думаетъ, —перейду!» Идетъ болотомъ и видитъ: трое лѣшихъ дерутся. Онъ и говоритъ имъ: «Вотъ помочь вамъ драться! Изъ зачего дѣло то?» «Ахъ, служивый, рассуди насъ, мы тебя давно ждали! Нашли мы три вещи: скороходъ, сапоги, шавку невидимку и торбочку-самобранку. Не знаемъ

какъ раздѣлить.. Солдатъ и говоритъ: «Ладно, вотъ я изъ казеннаго ружья выстрѣлю, кто пулю въ болотѣ найдетъ скорѣе, тотъ двѣ вещи получить». Всталъ, выстрѣлилъ. Лѣвшіе кинулись за пулей, а онъ надѣлъ сапоги, шапку пеньяныку и сказалъ: «Торбочка! Со мной!» И ушелъ отъ нихъ въ Петербургъ, пока они пулю искали.

Солдатъ идетъ и думаетъ: «Теперь я царску дочь укараю». Пошелъ къ ротному; тотъ прогналъ: «Что ты», говоритъ,—на вѣрну смерть пойдешь!» Онъ—къ батальонному, и тотъ прогналъ. Онъ—къ полковнику—тотъ царю доложилъ. Царь принавалъ солдата. «Можешь?» «Могу ваше величество!» «Ну, на тебѣ три дня сроку! Бутя!» Пошелъ солдатъ на базаръ, погулялъ, вернулся къ царю трезвый. «Что, погулялъ?» «Погудалъ-съ, ваше величество!» «Что же нѣ пьянъ?» «А служба-то, ваше величество?» «Ну, ладно.. Отвалъ ему комнату рядомъ съ дочерней. Черезъ хрустальную дверь все видно, значить, на кровать къ ней. Подали солдату самоваръ и воды, и прислугу дали. Только царска дочь идетъ мимо его комнаты вечеромъ и говоритъ: «Дайте служивому двѣнадцать бутылокъ столовой воды!» Принесли. Солдатъ не столь пьетъ, сколько въ торбочку лить. Легъ, свалился, притворился пьянымъ, на карачкахъ ползать. Уложили его на кровать. Онъ однимъ глазомъ сквозь дверь смотреть. Вотъ царска дочь подошла къ нему, полѣпала, а онъ сонитъ какъ пьяный. Пошла она въ свою комнату, позвонила. Явился человѣкъ. «Принеси мнѣ двѣнадцать паръ башмаковъ!» Явились двѣнадцать паръ башмаковъ: одни—на ноги, а остальные въ салфетку. Взяла ихъ подъ мышку, отырла подъ кроватью западню и въ нее ушла. Солдатъ надѣлъ сапоги-сороходы, шапку-пеньяныку и—за ней. Она башмаки сноситъ, броситъ, други надѣнетъ, бѣжитъ. Солдатъ—за ней, не отстаётъ: «Торбочка, собирай башмаки!» И приходитъ въ Мѣдный садъ. Солдатъ думаетъ: «Надо хоть яблочко сорвать». Подошелъ къ прекрасному дереву, цопъ яблоко. Вдругъ зазвенѣли струны, въ бубны ударили, началась тревога. Дочь царская думаетъ: «Если дальше пойду—узнаютъ, куды я хожу. И съ чего такая тревога?» Взяла и воротилась. Всю дощину вносила.

Солдатъ прежде ея бросился въ постель и опять спитъ. На другой день опять солдата угостить задумала царская дочь: послала ему двадцать-пять бутылокъ заграничной наливки. Онъ вы-

лилъ девять бутылокъ въ торбу и притворился, что пьянъ. Ночью опять въ хрустальную дверь смотреть. Вотъ царская дочь подошла къ нему, видитъ, что онъ спитъ, зазвенѣла въ пружину. Вышелъ человѣкъ и привезъ по ея приказу двадцать-пять паръ башмаковъ. Она взяла одну пару, надѣла, остальные—въ узелъ, и ушла. Солдату за ней. Приходить оба въ Серебряный садъ. Захотѣлось солдату хоть яблоко сорвать. Цопъ два въ карманъ! Струны зазвенѣли; царская дочь испугалась: «Пожалуй поймають меня, узнають куда бѣгаю. Дай веротусь!» А пробѣжала она двадцать-четыре тысячи верстъ. Вернулась назадъ, послѣднюю пару надѣла и дома, а солдатъ прежде нея влезъ. На третье утро принесли ей сорокъ-пять паръ, и пробѣжали они съ солдатомъ въ Золотой садъ. Онъ опять яблоко цопъ въ карманъ. Струны зазвенѣли, царская дочь испугалась, пробѣжала домой, а солдатъ прежде нея вернулся, опять завалился спать. На другой день царская дочь ему еще вина прислала; а онъ притворился, что спитъ крѣпко. Выпросилъ солдатъ у цари четвертую ночь. Какъ ночь пришла—онъ опять за ней. А царская дочь велѣла себѣ принести семьдесятъ-пять паръ башмаковъ. Пробѣжали они Мѣдный садъ, пробѣжали Серебряный садъ, пробѣжали Золотой садъ, приходятъ къ огненному морю и на немъ стоитъ огненная колесница. Она сѣла въ нее, и онъ за ней прыгъ: «Трогай, бѣлоногой! На дворѣ не поздно!» Дочь царская дивится, кто это такой. Переѣхали на ту сторону, выходятъ человѣкъ и сводить царскую дочь за руку. «Пойдемте ко мнѣ, душенька, въ домъ!» А домъ стоитъ съ золотой крышей, недалеко. Вотъ и солдатъ за ними. Первая комната,—зала, богато украшена. Показалъ этотъ самый человѣкъ первую комнату. Та дивуется. Пошелъ въ слѣдующую, въ одѣжную. Солдатъ и говоритъ, какъ они вышли: «Торбочка, забирай!» Та и забрала. Прошли одѣжную, вошли въ посудную. «Вотъ тутъ у меня, душечка, золотая посуда». Солдатъ опять, какъ они въ разливную вошли, говоритъ: «Торбочка, забирай!» Та только стѣнни оставила, все по порядку забрала, и послѣднюю спальную и той. «Что это» говоритъ царская дочь,—«когда я сидѣлась на колѣску, кто-то сказалъ: Трогай, бѣлоногой! На дворѣ не поздно?» «Это тебѣ, душенька, помѣталось. Пора намъ вѣнчаться! Завтра приходи обѣнчваемся». Царская дочь ему и говоритъ: «Можетъ я завтра не опоздаю. Какой-то

солдаты пьяница приставляют меня караулить». Вышла из колёска, солдат — съ нею, и отправлялись: «Трогай, блонногой! На дворъ не рано!» А тотъ человѣкъ, значить, пошелъ въ домъ, видать: нѣтъ ничего, одиѣ стѣн; обернулся шестиглавымъ змѣемъ и кинулся въ погоню, да огнемъ его опалило. Вышелъ онъ на балхонъ, ударился объ землю и расшибся. А царская дочь возносила всѣ башмаки, надѣла послѣднюю пару, торопится домой. Солдаты прежде нея завалился, спать. Утромъ его не будить; часовъ въ двѣнадцать присылають за нимъ генерала, идти къ царю. Приходитъ солдатъ къ царю; тотъ спрашиваетъ: «Что укараулилъ?» «Укараулилъ. Позвольте мнѣ очистить во дворцѣ пять комнатъ!» Очистили. «Велите сенаторовъ собрать!» Собрали. И сталъ онъ рассказывать: «Въ первый разъ дошелъ я до Мѣднаго сада». «А что бы яблочко принести?» спросилъ царь. «Извольте, ваше величество!» Всталъ и подаетъ мѣдное яблоко. «Во вторую ночь былъ я въ Серебряномъ саду». А что бы яблочко принести?.. «Извольте, ваше величество». И подалъ серебряное яблоко. «Въ третью ночь былъ въ Золотомъ саду». «А чтобы оттуда яблочко не взять?». «Извольте». Подалъ золотое яблоко. «На четвертую ночь проѣхалъ я на огненной колѣсикѣ, черезъ огненное море. Эй, торбочка, вынимай!». И поfalls изъ торбочки коври, посуда, одежда, все, что за моремъ у того змѣя было. «Ну, солдатъ», сказалъ царь, — правда твоя: укараулилъ. Что-же бы ты теперь съ моею дочерью сдѣлалъ?.. «Да что? Велите, ваше величество повѣсить, такъ повѣшу, расстрѣлать — расстрѣлаю, а велите жениться — женюсь». «Ну такъ женись, солдатъ!» сказалъ царь. Онъ и женился.

Я тамъ былъ; у меня по усамъ-то канъ канъ, а ему вонъ одиѣ

(С. Новикова, Самарск. губ. Озаров. у.)